

КОНФЕРЕНЦИЯ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «МСТИСЛАВ ВЕЛИКИЙ И ЕГО ЭПОХА».
Проводился в рамках Программы ОИФН РАН «Русская культура в
мировом контексте» (проект «Раннее восточнославянское летописание
в контексте европейской культурной традиции»).
Институт славяноведения РАН. 13 июня 2006 г.

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

ХРИСТОС ПАНТОКРАТОР НА ПЕЧАТИ МСТИСЛАВОВОЙ ГРАМОТЫ

К едва ли не самому знаменитому акту древнерусской письменности — Мстиславовой грамоте 1130 г. новгородскому Юрьеву монастырю, — как известно, прилагалась княжеская печать, где на одной стороне был изображен св. Федор в композиции «чудо о змие», а на другой — сидящий на престоле Христос Вседержитель. Этот артефакт, несмотря на пристальное внимание к нему исследователей, остается во многом предметом весьма загадочным. Одну из связанных с ним загадок удалось в свое время разрешить В. Л. Янину: он объяснил, в частности, почему эта печать, хотя и несет на себе изображение св. Федора, небесного покровителя князя, так не похожа на прочие известные печати Мстислава-Федора Великого († 1132 г.) и вообще не подпадает ни под какой сфрагистический тип XII в.¹

Дело в том, что интересующая нас булла, как показал исследователь, принадлежала, по всей очевидности, совсем другому Федору, жившему в XIII в. князю Ярославу-Федору († 1246 г.), отцу Александра Невского († 1263 г.), сыну Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо († 1212 г.). Можно сделать следующий шаг и предположить, что Ярослав прикрепил собственную печать к грамоте Мстислава Великого, обыгрывая тот факт, что они являются тезками по крестильному имени. Подобное действие, с одной стороны, несло бы на себе чисто практическую правовую нагрузку, поскольку удостоверяло и подтверждало бы акт дарения. Однако с другой стороны, едва ли не большее значение в таком случае оно имело бы в перспективе символической — Ярослав-Федор как бы подчеркивал свою преемственность по отношению к жившему задолго до него Мстиславу-Федору Великому, едва ли не самому любимому и прославленному из новгородских князей. По-видимому, сходным образом Ярослав Всеволодич в свое время выбирает для себя и шлем, принадлежавший кому-то из старших Рюриковичей (скорее всего, кому-то из сыновей Юрия Долгорукого), где изображены трое святых, в частности, его небесный тезка св. Федор.

Однако неразрешенной остается другая загадка: откуда на оборотной стороне этого хрисовула появляется образ Вседержителя на престоле, прежде на древнерусских княжеских печатях,

¹ См.: Янин В. Л. Печать Мстиславовой грамоты // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 65; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII–XV в. М., 1970. С. 16–21; ср.: Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928–1930. Вып. I–II. [Труды музея палеографии. Т. I–II]. Вып. I. С. 12–19.

по-видимому, не встречавшийся?² Почему, если это и в самом деле печать Ярослава Всеволодича, с нее исчезло изображение Дмитрия Солунского, патронального святого Всеволода Большое Гнездо, отца этого князя?

В самом деле, как раз между двумя князьями Федорами, Мстиславом Великим и Ярославом Всеволодичем, безусловно господствующим был совершенно определенный тип княжеской печати, не утративший, кстати говоря, своей популярности и позднее, во второй половине XIII в. В XII в., — условно говоря, во времена сыновей Мстислава Великого, — на Руси утвердился крайне выразительный и безусловно очень «удачный» с точки зрения фиксации имянаречения образец княжеской буллы, когда на одной ее стороне изображался святой покровитель самого князя (его небесный тезка по крестильному имени), а на другой — патрон его отца³. Печать становилась, таким образом, материальным воплощением христианского имени и отчества, символом родовой преемственности власти, олицетворением той двойной генеалогии, земной и небесной, в которую был включен каждый Рюрикович. Еще на ранних печатях интересующего нас Ярослава Всеволодича изображены, например, два святых воина — св. Федор (судя по всему, Федор Стратилат) на одной стороне и Дмитрий Солунский на другой.

Чем же можно объяснить этот сознательный отказ князя от воплощения отчества на поздних печатях, где вместо изображения отцовского патронального святого присутствует совершенно новый для русской княжеской сфрагистики образ Христа? По-видимому, роль отцовского имени как средоточия наследственных прав в эту эпоху едва ли не более значительно, чем прежде. Весьма показателен здесь эпизод, связанный с вокняжением Ярослава в Переяславле, зафиксированный в Летописце Переяславля Суздальского, где Ярослав Всеволодич обращается к горожанам с речью, говоря о том, что отец его умер, завещав ему Переяславль Залесский, и спрашивает их, согласны ли они принять его князем, как принимали его отца. Жители же города отвечают Ярославу: «Велми, г(о)с(поди)не, тако буди, ты наш г(о)с(поди)нъ, ты Всеволодъ»⁴. Использование имени умершего отца или деда в качестве «почетного титула» (в нашем случае, с актуализацией внутренней формы), подчеркивающего права их потомка на тот или иной стол, в русском летописании встречались и прежде. Такой ответ горожан вполне вписывается в некую традицию взаимоотношений подданных с Мономахичами: так, например, в Ипатьевской летописи хвалебная речь, обращенная к въезжающему в город князю Изяславу Мстиславичу, начинается словами: «...ты на^ш кн(а)зь ты на^ш Володимиръ. ты на^ш Мъстиславъ»⁵.

Существенно, однако, что сыновья Всеволода Большое Гнездо (и в первую очередь наш Ярослав Всеволодич), отнюдь не умаляя значение родового отцовского имени, использовали его совершенно иначе — с большей интенсивностью, но иногда вопреки родовым правилам. Константин Всеволодич († 1218 г.), например, дает своему сыну (род. в 1210 г.) имя *Всеволод* при живом деде, Всеволоде Юрьевиче († 1212 г.), а Ярослав Всеволодич поступает еще более радикально — он наделяет одного из сыновей своим собственным именем *Ярослав*⁶.

Тем более, на таком фоне отказ Ярослава от, так сказать, воплощения отчества на печати выглядит, повторимся, странным и неожиданным. Но произошел ли этот отказ в действительности? Обратим внимание на то, какой именно из иконографических типов изображения Спасителя этот князь избрал для своей буллы. Перед нами — тронная фигура Христа, одно из самых древних и в то же время самых

² Как пишет В. Л. Янин, здесь «впервые нарушена старая традиция обозначения патрональных имени и отчества владельца буллы; на смену обозначения отчества становится изображение Вседержителя» (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII—XV в. С. 20).

³ См.: Там же. С. 6—14; Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I: Печати X — начала XIII в. С. 87—132; Янин В. Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сборник статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.

⁴ См.: ПСРЛ. М., 1995. Т. XLII. С. 130 (под 1213 г.).

⁵ См.: ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 370.

⁶ Нужно учитывать, впрочем, что крестильные имена у отца и сына различались: старший был *Ярославом-Федором*, тогда как младший, судя по всему, был крещен во имя Афанасия Великого, так что полного антропонимического тождества между отцом и сыном не было.

распространенных изображений Пантократора. Это как раз тот случай, когда образ надежно, однозначно и немедленно соотносится со словом «Вседержитель», или, при соответствующей образованности наблюдателя — еще и с греческим «Пантократор» (*παντοκράτωρ*). Как кажется, ключ к разгадке столь неожиданного выбора Ярослава Всеволодича лежит именно в этом славяно-греческом семантическом комплексе «Пантократор / Вседержитель». Князь не собирался отказываться от родового обычая и уж тем более от права на отцовское имя — эпитет «Пантократор / Вседержитель» чрезвычайно эффектно передает здесь славянское династическое имя *Всеволод*, символическим образом усиливая и обобщая его внутреннюю форму, смысл и значение.

Почему мы привлекаем здесь греческий термин *παντοκράτωρ* «Пантократор»? Казалось бы, достаточно и совпадения основ в эпитете «Вседержитель» и имени *Всеволод*. Все же, как кажется, в ту эпоху столь прямое соположение земного правителя с царем небесным было бы неуместно без некоторого дистанцирующего элемента-медиатора, без некоторого языкового и символического зазора между знаком земного автократора и образом Пантократора. Такое решение подсказывает сходная, хотя и нетождественная модель, которая реализуется на том типе печатей, где запечатлено христианское имя и отчество князя — на булле может быть, например, изображен воин, тезоименный князю, но это не сам владелец печати, а небесный покровитель, что достаточно регулярно подчеркивается в легенде словом *αγιος* «святой».

Появление образа Пантократора в подобной функции своеобразного субститута княжеского отчества возможно покажется нам более закономерным, если мы соотнесем печать Ярослава Всеволодича с артефактами из другого, куда более раннего отрезка династической истории. В самом деле, образ Христа Пантократора прежде никогда не встречался на дошедших до нас княжеских печатях, однако он обнаруживается, как известно, на ранних монетах, монетах крестителя Руси Владимира Святого († 1015 г.). Здесь мы видим поясное изображение Христа Пантократора на одной стороне и самого князя, сидящего на престоле, на другой с надписью «Владимир(ъ) на столе», «Владимир(ъ), а се его сребро» (или, соответственно, «злато»), «Владимир(ъ) на столе, а се его сребро» или просто «Владимир(ъ)»⁷.

Подобно печати Ярослава Всеволодича, монеты Владимира Святого восходят, судя по всему, к византийским образцам, причем каждый из князей естественным образом заимствует эти образцы из более или менее близкой ему эпохи, с относительно «свежих» печатей византийских правителей (в случае Ярослава Всеволодича это, по предположению Н. П. Лихачева, императорские буллы конца XII в.). Тем контрастнее проступают различия в смысле и сути такого заимствования. Используя инокультурный образец, Владимир Святой, разумеется, никак не отступал от какой-либо собственно русской традиции, по той причине, что эта русская традиция еще не успела сформироваться и ничто не мешало князю, наряду с прочей культурной атрибутикой, позаимствовать из Византии и некие образцы для своей монетной чеканки.

Что же касается Ярослава Всеволодича, то он, как уже говорилось, шел наперекор устоявшейся и общепринятой княжеской практике, на фоне которой любое новшество, пусть даже и воспринятое из Византии, безусловно требовало особой мотивации, особых предпосылок. Если даже допустить, что этот князь ориентировался не только на отдельные императорские буллы XII в., но и на те собственно русские монеты своего пращура, о которых только что шла речь, то и такой прыжок через два с лишним столетия династической традиции не мог бы осуществиться невзначай, без особых на то причин. Помимо всего прочего, здесь невозможно говорить о буквальном заимствовании конкретных иконографических типов внутри собственно русской традиции, ведь Христос Пантократор на монетах Владимира Святого — это поясная фигура, тогда как на печатях Ярослава мы видим Вседержителя на престоле.

Вообще же, речь должна идти о том, что первая половина XIII в. была периодом уже настолько освоенного христианства, настолько освоенного календарного именователя, что вновь становились

⁷ См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983. С. 115–180.

актуальными некоторые обычаи и практики XI столетия, правда, реализующиеся теперь на совершенно ином уровне. В принципе можно допустить, что тронная фигура с монет Владимира Святого как-то пригodiлась для интересующей нас печати, хотя такое допущение, строго говоря, вовсе необязательно. Так или иначе, Ярослав изобразил сидящим на троне никоим образом не своего отца Всеволода, а Христа, о чем недвусмысленно свидетельствует надпись⁸. Семантика и семиотика образа здесь в целом совершенно иная. Появление этого нового для русских княжеских печатей изображения оказалось возможным прежде всего потому, что за Ярославом Всеволодичем стояла столетняя традиция использования княжеских печатей, фиксирующих христианское отчество владельца. Именно эту традицию князь и обыгрывает. Ярослав Всеволодич-Дмитриевич, строго говоря, действительно отказался от традиционного отражения календарного патронима на печати, он попросту заместил его исконным родовым патронимом, придав последнему статус христианского. Княжеское имя, языческое по происхождению, становилось предметом осмысления в сугубо христианской перспективе, переводилось на язык христианской иконографии.

Итак, новизны в поступке Ярослава Всеволодича, безусловно, было много, но много было и использования потенциала родовой практики. Чтобы оценить это слияние новаторства и традиционности, необходимо принять во внимание тот огромный путь, который проделала традиция княжеского имянаречения от Федора до Федора, от Мстислава Великого, одного из инициаторов составления грамоты, до Ярослава Всеволодича, который присовокупил к этой грамоте свою печать. За столетие, разделяющее этих князей, успело произойти так много перемен, что несколько неожиданным выглядит тот простой генеалогический факт, что по поколениям они были весьма близки — Ярослав всего лишь внучатый племянник Мстислава Великого.

Главная ономастическая инновация, разумеется, заключалась в том, что некоторые христианские имена превратились в имена династические и употреблялись в качестве таковых наряду с исконными княжескими. Другое, не менее революционное, изменение в династическом обиходе той поры — возможность наречения потомка княжеским именем живого предка.

Взаимодействие двух способов именования, христианского и исконного, безусловно, оказалось одной из главных причин тех изменений, которые произошли с династическими именами в первой трети XIII столетия. Однако на самом деле эти новшества более глубоки и разносторонни, чем может показаться на первый взгляд, и отнюдь не все здесь можно объяснить простой христианизацией княжеского именослова. Мы хотели бы обратить внимание на некоторые новые черты в системе выбора имени, которые делают нашу гипотезу о печати Ярослава Всеволодича более правдоподобной.

Прежде всего, отметим очевидную экспликацию интереса в летописном тексте к семантике и внутренней форме княжеских имен, особенно христианских. В эпоху, непосредственно примыкающую ко времени крещения Руси, одна из трудностей в усвоении христианского именослова была связана, по-видимому, с тем, что эти новые имена оставались, так сказать, «словами без коннотаций», словами с непрозрачным значением. Дело было даже не в том, или не только в том, что никто не знал, что означает имя *Андрей* или *Евфросиния* (разумеется, при княжеском дворе всегда находились люди, чья лингвистическая осведомленность была достаточной для перевода таких иноязычных имен). Не хватало, скорее, широкой аудитории, способной оценить подобного рода переводы и, что еще более значимо, не было еще той церковной традиции, благодаря которой за каждым произнесенным именем вставал бы для слушателя целый агиографический, богослужебный, образный ряд.

⁸ Некоторые исследователи склонны усматривать изображение Христа Пантократора в тронной фигуре на уникальной печати, атрибутируемой князю Святославу Ярославичу († 1076 г.). См.: *Белецкий С. В.* Сфрагистика // Специальные исторические дисциплины. СПб., 2003. С. 281. Рис. 10, 17; *Чукова Т. А.* Иконография святых на древнерусских металлических актовых печатях X–XV вв. (фрагменты книги) // Христианская иконография востока и запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006. Однако надпись, позволяющей сделать вывод о том, что перед нами Иисус Христос, на этой булле нет. Более убедительной представляется точка зрения В. Л. Янина и П. Г. Гайдукова, согласно которой тронная фигура на печати Святослава Ярославича изображает самого князя-автократора (см.: *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998. С. 19–20), что, по-видимому, было вполне принято в первой половине XI в. (ср., например, тронную фигуру на монетах Владимира Святого).

К концу XII столетия, как кажется, базовый фонд знаний, необходимых для того, чтобы князья и их окружение приобрели вкус к анализу собственных христианских имен, накопился. В этом отношении любопытен опыт двух уже упоминавшихся княжеских семей, в чьих отношениях тесно переплелись родство, свойство, союзничество и соперничество. Мы вновь говорим о семьях владимирского князя Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо и отпрыска другой ветви Мономашичей, киевского князя Рюрика-Василия Ростиславича († 1215 г.).

Жена Рюрика Ростиславича звалась *Анной*, по всей видимости, она была крещена во имя Анны, матери Богородицы. Ее сватья Мария († 1206 г.), жена Всеволода Большое Гнездо, возводит во Владимире церковь Успения Богородицы, которую освящают 9 сентября, на память Иоакима и Анны⁹, а в 1196 г. епископ Иоанн закладывает надвратную церковь, посвященную Иоакиму и Анне¹⁰, что, с одной стороны, вполне соответствовало общему духу владимирского Богородичного культа, но при этом вероятно связывалось и с почитанием святой покровительницы вновь приобретенной родни.

Примерно в то же время Рюрик Ростиславич в Киеве заложил каменную стену под Михайловской церковью в Выдубицком монастыре. В пространном похвальном слове, составленном по этому поводу, жена князя характеризуется следующим образом: «...хр^отолюбивага его кн^агины тезоименна соуци. Аннѣ родителници мѣри Ба нашего. гаже и бл^гть нарѣцается ни на что же. ино оупражняшес^а. но токмо и ѿ цр^квныхъ потреба^х. и ѿ миловании оукореныхъ маломощехъ. и всихъ бѣдоующихъ»¹¹.

Очевидно, что перевод древнееврейского имени *Анна* 'благодать' в эту эпоху не существует изолированно, а включен в некий контекст, как собственно риторический, комментирующий и поясняющий значение антропонима, так и в самый широкий контекст церковной и культурной традиции.

Во времена Всеволода Большое Гнездо подобный интерес к семантике христианского имени соседствует, по-видимому, с очередным всплеском интереса к византийской церковной практике, византийской образованности. Это общее утверждение можно проиллюстрировать вполне конкретными свидетельствами, связанными опять-таки с княжеской антропонимикой и почитанием княжеских святых. Здесь в качестве примера можно приводить факты самого разного порядка: достаточно упомянуть, с одной стороны, что Всеволод-Дмитрий вывез из Византии на Русь реликвии своего патронального святого, мученика Дмитрия Солунского, а с другой стороны, указать на своеобразные лексические грецизмы из цитированного нами похвального слова его сваяку Рюрику¹².

Характерно при этом, что в летописи мы не обнаруживаем следов особенно глубокого погружения в иноязычную языковую стихию. Риторика похвалы князю скорее призвана эффектно выделить и подчеркнуть нечто относительно общепонятное, каковым был перевод с греческого или древнееврейского имен собственных или эпитетов.

Приведем еще один пример, демонстрирующий пристальное внимание и любовь ко всякого рода толкованию и комментированию антропонимических редкостей в эту эпоху — сообщение летописи о появлении на свет долгожданной внучки Рюрика Ростиславича и Всеволода Большое Гнездо: «Того же лѣт на зиму родис^а дщи оу Ростислава оу Рюриковича. и нарекоша имя еи Евфросѣна и прозваниемъ. Изморagdъ. еже наречеться дорогыи камень»¹³. Любопытно, что летописец оставляет в стороне не вполне уместный здесь агиографический сюжет, согласно которому св. Евфросиния Александрийская ушла в мужской монастырь под видом евнуха Смарагда, и сосредотачивается на куда более выигрышном значении слова «изморagd»¹⁴.

⁹ См.: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. I. Вып. 1—3. Стб. 417 (под 1202 г.).

¹⁰ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 412.

¹¹ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 710 (под 1199 г.).

¹² См. о них: Литвина А. Ф. Биография князя в составе летописи как «документальный» жанр // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи: XXII конференция памяти В. Д. Королюка. Тезисы докладов. М., 2004.

¹³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 708 (под 1199 г.).

¹⁴ См. подробнее об этом летописном свидетельстве: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Евфросиния Изморagd: из истории именованья у Рюриковичей домонгольской поры // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы

Для подтверждения нашей гипотезы о восприятии имени *Всеволод* не менее существенно, что внимание к внутренней форме христианских имен в риторических построениях могло уживаться с вполне традиционным для русских книжников вниманием к семантике различных частей двусоставных славянских имен, языческих по происхождению¹⁵. Так, в похвальном слове брату Всеволода Большое Гнездо, большому и никогда не княжившему Святославу Юрьевичу († 1174 г.), семантика его княжеского имени обыгрывается в христианской перспективе: «... тако^ж и ть во истину *ѣтъи Сѣтославъ Бѣи* угодник избранни въ все^х кнѣзехъ не да бо ему Бѣ кнѣжити на земли но да ему цр҃тво нб҃ное»¹⁶.

Случаи подобного обыгрывания встречались, как известно, в древнерусских текстах и прежде. Здесь можно сослаться, например, на трансформацию имени Святополка Окаянного († 1019 г.) в *Поганополк* в паремийных чтениях свв. Борису и Глебу и на своеобразное противопоставление в летописи двух кузенов, Владимира Мономаха († 1125 г.) и Святополка Изяславича († 1113 г.), когда первый стоит за мир, а второй — за рать, каждый в соответствии со второй частью своего княжеского двусоставного имени (*Володимир* и *Святополк*)¹⁷.

С фигурой последнего, Святополка Изяславича, связан и один из примеров соположения христианского и исконного имени князя, основанного не на буквальном переводе, а на своеобразной функциональной близости. Этот князь был крещен в честь архангела Михаила, предводителя небесного воинства, и имя его святого покровителя, таким образом, по смыслу и функции (не по значению) коррелировало с родовым княжеским именем *Святополк*.

Совсем не случайно мы подчеркиваем здесь, что ни о каком буквальном совпадении семантики календарного *Михаил* и княжеского *Святополк* не может быть и речи. Крестильное имя князя соответствовало его родовому имени лишь в символической перспективе, но отнюдь не было прямым переводом последнего. Вообще говоря, в XI—XII в. мы не знаем сколько-нибудь достоверных случаев, чтобы перевод христианских имен использовался в качестве родового княжеского имени¹⁸. Исследователи, правда, не раз высказывали гипотезы, о том, что славянское и календарное имя того или иного члена княжеского рода калькировали друг друга. Так, одной из дочерей Мстислава Великого, выданной замуж в Византию, могли присваиваться, в частности, имена *Добродей* и *Евпраксия*¹⁹. Однако ни

источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто; IV Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. М., 2005. Ч. I–II.; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Агнография и выбор имени в Древней Руси // Славяноведение. 2005. № 4. С. 29. Примеч. 2; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 178–179. Добавим к приведенным примерам еще один, принадлежащий к несколько более раннему времени. В летописном тексте мы обнаруживаем своеобразную актуализацию семантики имени *Андрей* ('мужественный') в похвале владими́ро-суздальскому князю, дяде нашего Ярослава Всеволодича, Андрею Боголюбскому († 1174 г.): «...кнѣже Андрѣю мужьству тѣзоимените» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 584).

¹⁵ В качестве ранних образчиков такой практики можно указать, например, обыгрывание основы —*слав* в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона (см.: *Молдован А. М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. С. 91–92) или экспликацию семантики основы — *влад* / *волод* в Несторовом «Чтении о святых мучениках Борисе и Глебе» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. (Памятники древне-русской литературы). Вып. 2). С. 4. Традиция использования этого риторического приема не прерывалась на протяжении всего домонгольского времени. Ср.: *Ромодановская Е. К.* О поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 365–366.

¹⁷ См.: Там же. Стб. 219; ПСРЛ. Т. II. Стб. 210. Об этом см.: *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Древняя Русь / Сост. В. Я. Петрухин. М., 2000. Т. I. С. 485; ср.: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 440. Примеч. 19.

¹⁸ Не исключено, что в X в., во времена крещения Руси, семантика христианского имени *Василий* каким-то образом соотносилась с семантикой княжеского имени *Володимир*, однако доказать, что значение этого христианского антропонима непременно принималось в расчет при выборе крестильного имени для Владимира Святославича, практически невозможно, поскольку имя *Василий* и так подходило для крестителя Руси по другим, весьма весомым причинам. Прежде всего, так звали византийского императора, который становился свойственником русского князя.

¹⁹ См., например: *Лопарев Хр.* Брак Мстиславны (1122 г.) // Византийский временник. 1902. Т. IX. Вып. 3–4. С. 425, 428; ср.: *Пападимитриу С.* Брак русской княжны Мстиславны Добродей с греческим царевичем Алексеем Комниным // Византийский временник. 1904. Т. XI. С. 74, 92. Имя *Добродей* встречается в труде В. Н. Татищева, который, тем не менее, не называет его обладательницу *Евпраксией*. Достоверность имени *Добродей* вызывает очень большие сомнения. Вероятнее всего, перед

имени *Добродея*, ни каких-либо других реальных следов такого перевода в источниках мы, как кажется, не обнаруживаем. В этом смысле система наследуемых из поколения в поколение исконных имен и система имен христианских действительно существовали независимо друг от друга, и действия Ярослава Всеволодича, приведшие к появлению Пантократора на печати, следует считать безусловно новаторскими.

В качестве еще одной приметы сложных инновационных процессов в системе имянаречения на рубеже XII—XIII в. можно указать обильную фиксацию в летописи нехристианских имен княжеских дочерей. Как известно, имена женщин, принадлежавших к роду Рюриковичей по браку или по рождению, в целом сохранились несравненно хуже, чем мужские имена. До поры до времени в летописных текстах зачастую не упоминаются ни мирского, ни крестильного имени княжеских жен и дочерей, даже если в тексте описываются какие-либо их самостоятельные поступки и действия. Очень часто не упоминаются эти имена и в известиях о княжеских браках. При этом если речь идет о событиях конца XI — первой половины XII в. и имя кого-то из княжеских дочерей в летописной статье все же присутствует, то, как правило, это будет христианское имя. По всей очевидности, чуждый родовой традиции христианский антропонимикон легче всего укореняется в тех случаях, когда дело не касается наследования родовых привилегий и родового права на власть, т. е. в первую очередь — в именах девочек, и именно они раньше большинства мужчин начинают фигурировать в летописи только под своими христианскими именами.

Такой способ именования оказывается тем более естественным, что источники уже достаточно рано запечатлевают следы самого активного участия женщин в церковной жизни рода. Княжны и княгини становятся инициаторами церковного строительства, основательницами монастырей, они возглавляют паломничество в святые земли, переносят мощи своих родичей, привозят на Русь митрополитов.

В то же время, неожиданным образом, конец XII и начало XIII столетия отмечены все более частым упоминанием не христианских, а исконных, языческих по происхождению имен княжеских дочерей, что заметно контрастирует с параллельным увеличением удельного веса имен христианских в мужском именовании Рюриковичей. Так, из летописи мы узнаем, например, княжеские имена трех дочек Всеволода Большое Гнездо — *Сбыслава*, *Всеслава*, *Верхуслава*, двух дочерей его родича и свойственника Рюрика Ростиславича — *Предслава* и *Всеслава*, а также имя старшей дочери († 1244 г.) еще одного свойственника Всеволода Большое Гнездо, Мстислава Удатного — *Ростислава*. Многие из этих женских имен непосредственно апеллируют к именам отцов и дедов их обладательниц: имя Всеславы Всеволодовны воспроизводит одну из основ имени ее отца, а имя Ростиславы Мстиславны является женским вариантом имени ее родного прадеда по отцу, киевского князя Ростислава Мстиславича († 1167 г.). Обычай давать наследницам женские варианты мужских имен не утрачивается и позднее. В этом отношении очень характерно гипертрофированно династические имя единственной приемной дочери князя Владимира Васильковича († 1289 г.) — *Изяслава*²⁰, прежде у Рюриковичей не зафиксированное.

Иными словами, с определенного времени девочек порой нарекают в соответствии с теми принципами, которые прежде были актуальны скорее при выборе родовых имен для мальчиков, помимо повтора родовых имен, использовался и путь варьирования отцовского имени (**Всеволод — Всеслава**).

В каждом частном случае такой выбор обусловлен особенностями истории конкретной княжеской семьи, но относительное изобилие подобных примеров вновь заставляет нас искать какие-то более общие

нами результат многоступенчатой путаницы: реконструируя некалендарное имя этой княжны, В. Н. Татищев, возможно, перевел с греческого календарное имя ее двоюродной бабки, дочери Всеволода Ярославича, чье христианское имя *Евпраксия* надежно зафиксировано в источниках (ПСРЛ. Т. I. Стб. 281, 283). К теме — перевод имен собственных см., в частности: Членов А. М. К вопросу об имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970; Мурьянов М. Ф. К символике нередицкой росписи // Культура средневековой Руси. Посвящается 70-летию М. А. Каргера / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л., 1974. С. 168–170; Клейнберг И. Э. Основные принципы выбора новых личных имён и адаптации иноязычных в России X–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. 9; Литвина А. Ф. Имена и формулы: О характеристиках князей-тёзок из рода Рюриковичей // Славяно-германские исследования / Под. ред. А. В. Циммерлинга. М. Т. III (в печати); Назаренко А. В. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. // Славяно-германские исследования / Отв. ред. А. В. Циммерлинг. М. Т. III (в печати).

²⁰ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 901, 904–905 (под 1287 г.).

причины антропонимического сдвига. В качестве одной из этих причин можно назвать возрастание роли внутрдинастических браков у Рюриковичей, когда девочки становятся «разменной монетой» (притом весьма ценной) в семейно-политической стратегии их отцов — коль скоро брачный союз призван связать две разошедшиеся ветви рода, претендующие на равноправие, то имя невесты должно быть столь же весомым воплощением родового начала, как и имя жениха.

Однако эта причина была, наш взгляд, не единственной, а вернее, действие ее порождало такие культурно-ономастические механизмы, эффект от которых мог выходить далеко за пределы изначальных политических задач. Для нас особенно существенно, что в поколении Ярослава Всеволодича внутренней форме исконного родового имени (в частности, имени княжны) могла придаваться дополнительная функциональная нагруженность. Эти имена, столь долго заслонявшиеся христианскими антропонимами, неожиданно приобретали больший вес и пользовались большим вниманием.

С другой стороны, в это же время происходит довольно существенное расширение списка христианских имен, пригодных для наследника княжеского стола. В самом деле, христианские имена в династии Рюриковичей повторялись из поколения в поколение практически с той же частотой и регулярностью, что и имена исконные. Набор их был весьма ограничен, наиболее частотными являлись такие имена, как *Андрей, Борис, Василий, Георгий, Глеб, Давид, Дмитрий, Иоанн, Михаил, Роман, Федор*, которые были любимы всем родом. В отдельных ветвях династии появлялись собственные предпочтения, особенно выделялись в этом отношении черниговские князья.

В начале же XIII столетия (а вернее еще в самом конце XII) в разных ветвях рода неожиданно появляются имена, прежде ни у кого из Рюриковичей не отмеченные²¹ или давно вышедшие из династического обихода. Одним из таких «новшеств» стало имя *Александр*, за короткое время появившееся в семьях довольно отдаленных (во всяком случае, по мужской линии) родственников — в семье Всеволода Мстиславича († 1195 г.), правнука Мстислава Великого, и в семье Ярослава Всеволодича, внука Юрия Долгорукого. Такой же «неожиданностью» стали, например, имена *Даниил* (в семье Романа Мстиславича Галицкого) или *Афанасий* (в семье Ярослава Всеволодича). Примером «хорошо забытого старого» может служить имя *Константин* у сына Всеволода Большое Гнездо — предыдущим (а, скорее всего, и первым) обладателем этого имени среди князей был, по-видимому, Мстислав Тмутараканский († 1036 г.), сын Владимира Святого, скончавшийся примерно за полтора столетия до появления на свет Константина Всеволодича.

Можно реконструировать частные причины, по которым вводилось в обиход то или иное новое имя. Так, некоторые из этих новшеств, возможно, объясняются оживлением русско-византийских связей, как культурных, «литературных», так и родственно-генеалогических. Так или иначе, в столь консервативной системе, как христианский династический именовалов, за любым инновационным всплеском должны стоять некие общие и одновременно вполне конкретные культурные предпосылки.

Итак, нарушение одного из главных запретов родового именовалов — запрета называть в честь живых прямых предков (отца или деда) — оказывается, быть может, самым ярким, но отнюдь не единственным симптомом изменения всей системы выбора княжеского имени. Роль христианского именовалова не просто возрастает к XIII в., он явно претерпевает некие функциональные и структурные изменения. Поскольку право на имя в княжеских семьях всегда было теснейшим образом связано с правом на власть, антропонимический материал явным образом отражает приходящийся на эту эпоху поиск новых средств манифестации и легитимизации княжеской власти. Поиск этот, разумеется, не ограничен чисто вербальной сферой. Изменения происходят и на своеобразном стыке изобразительной символики и антропонимики. Точкой, где в наиболее расхожей и наглядной форме происходила встреча имени и зрительного образа, были, вне всякого сомнения, княжеские печати.

²¹ Существенно, однако, что далеко не все крестильные имена Рюриковичей домонгольской поры нам известны и потому всякий раз, говоря о полном отсутствии или раритетности какого-либо из календарных имен, необходимо помнить о многочисленных лакунах в дошедших до нас сведениях об этом предмете.

Старые родовые имена стали выбирать по тем принципам, которые прежде годились лишь для выбора имени крестильного, и параллельно эти же исконные имена в зашифрованном виде могли появиться на печатях — там, где еще недавно присутствовало лишь имя и образ святого покровителя князя. Напомним, что сам Ярослав Всеволодич дает своему старшему сыну († 1233 г.) в качестве единственного собственное крестильное имя, и тот становится *Федором Федоровичем*, что в целом не противоречит традиции христианского имянаречения. При этом другого сына он наделяет собственным княжеским именем *Ярослав*, что на этот раз идет вразрез со всеми принципами выбора родового имени. Скорее всего, однако, в последнем случае он действовал по аналогии с первым: раз одному сыну можно дать крестильное имя живого отца, то почему бы другому не дать отцовское родовое имя.

Подобные действия по аналогии, возможно, подкреплялись и тем обстоятельством, что родным дедом этих мальчиков с материнской стороны был, судя по всему, князь Мстислав Мстиславич Удатный († 1228 г.), тезка своего отца по княжьему имени. История деда и внука — Мстислава Мстиславича и Ярослава Ярославича — коль скоро наречение старшего из них хоть в какой-то мере послужила образцом для наречения младшего, весьма показательна с точки зрения механизма порождения инновации в консервативной системе выбора династического имени.

В самом деле, Мстислав Мстиславич был, по-видимому, посмертным ребенком своего отца²². Тот факт, что он получил отцовское имя, с одной стороны, был в высшей степени закономерным, а с другой стороны, весьма, так сказать, индивидуальным. Такой выбор имени годился только в данных конкретных обстоятельствах, и с точки зрения старой традиции он был уместен исключительно для этого княжича.

Однако в переломную эпоху этот индивидуальный выбор «незаконным» образом типизировался, превращался в образец для наречения княжичей, чьи отцы жили и здравствовали. Иными словами, разрушение традиции осуществлялось с непосредственной опорой на саму эту традицию, создание нового происходило путем нетривиального следования образцам.

Если мы будем рассматривать печать Ярослава Всеволодича именно в такой перспективе, то убедимся, что появление старых иконографических сюжетов или старых типов именования может неожиданным образом свидетельствовать о начале нового витка эволюции династического именослова. При этом нельзя пройти мимо того очевидного факта, что этой печатью открывается и новый сфрагистический тип — Христос Пантократор фигурирует не только на печати Ярослава Всеволодича, есть он и на буллах некоторых его ближайших потомков (Андрея Ярославича, Дмитрия Александровича, Андрея Александровича, Михаила Ярославича, Александра Михайловича)²³. Не противоречит ли это обстоятельство нашей гипотезе о том, что выбор этого изображения спровоцирован отчеством князя Ярослава, ведь его сыновья и внуки, подхватившие этот образец, были обладателями совсем других патронимов?

Кажется, никакого противоречия здесь нет. Как уже говорилось выше, княжеская династическая традиция была устроена таким образом, что индивидуальный выбор, коль скоро он оказывался удачным с точки зрения репрезентации особых властных привилегий, легко становился общеродовым или, по крайней мере, общесемейным достоянием и воспроизводился из поколения в поколение. Христос Пантократор как нельзя лучше подходил в качестве символа верховной власти. Различные же коннотации, связанные с этим образом (такие, например, как его соотношенность с княжеским именем *Всеволод*), могли прирастать, а затем отходить и утрачиваться. Несомненным становилось лишь родовое право — использовать этот образ на знаках личной княжеской власти.

Иными словами, Ярослав мог поместить изображение Пантократора на своей печати потому, что его отцом был владимирский князь Всеволод Большое Гнездо, а сын или внук Ярослава могли использовать этот образ потому, что он был на буллах их отца и деда и являлся в полной мере их семейным наследием.

²² См. подробнее об этом: Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. С. 296–314.

²³ Ср.: Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II: Новгородские печати XIII–XV в. С. 159. № 379. С. 161. № 390.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Прориси печатей князя Ярослава-Федора Всеволодича
с изображением св. Федора и Христа Пантократора

